

Осипъ Мандельштамъ. Камень. Tristia

* OCR, сверка орфографіи по оригинальнымъ изданіямъ,
форматированіе и
проверка правописанія, кодировка KOI8-C -- Сергей Виницкій, 2000.

**О. Мандельштамъ. Камень. Стихи. АКМЭ, С.-Петербургъ,
1913.**

х х х

Дано мнѣ тѣло -- что мнѣ дѣлать съ нимъ,
Такимъ единымъ и такимъ моимъ?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мнѣ благодарить?

Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.

На стекла вѣчности уже легло
Мое дыханіе, мое тепло.

Запечатлѣется на немъ узоръ,

Неузнаваемый съ недавнихъ поръ.

Пускай мгновенія стекаетъ муть --
Узора милаго не зачеркнуть.

1909.

Silentium.

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышать моря груди,
Но, какъ безумный, светель день
И пены бледная сирень
Въ мутно-лазоровомъ сосуде.

Да обретутъ мои уста
Первоначальную немоту --
Какъ кристаллическую ноту,
Что отъ рождения чиста.

Останься пеной, Афродита,
И слово въ музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
Съ первоосновой жизни слито.

1910.

x x x

Невыразимая печаль
Открыла два огромныхъ глаза,
Цветочная проснулась ваза

И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой -- сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Такъ много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая --
И потянулась, оживая,
Тончайшихъ пальцевъ белизна...

1909.

х х х

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытываетъ лето,
Какъ бы не тронута зимой.

И, если въ ледяныхъ алмазахъ
Струится вечности морозъ,
Здесь -- трепетаніе стрекозъ
Быстроживущихъ, синеглазыхъ...

1910.

х х х

Смутно-дышащими листьями

Черный ветеръ шелеститъ,
И трепещущая ласточка
Въ темномъ небе кругъ чертитъ.

Тихо спорять въ сердце ласковомъ,
Умирающемъ, моемъ,
Наступающія сумерки
Съ догорающимъ лучомъ.

И надъ лесомъ вечереющимъ
Встала медная луна;
Отчего такъ мало музыки
И такая тишина?

1911.

х х х

Отчего душа такъ певуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ -- только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
Зашумитъ бумажной листвою
И совсемъ не вернется -- или
Онъ вернется -- совсемъ другой...

О, широкій ветеръ Орфея,
Ты уйдешь въ морскіе края --
И, не созданный міръ лелея,
Я забылъ ненужное "я".

Я блуждалъ въ игрушечной чаще
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели я настоящій,
И действительно смерть придетъ?

1911.

х х х

Быть можетъ, я тебе не нуженъ,
Ночь; изъ пучины мiровой,
Какъ раковина безъ жемчужинъ,
Я выброшенъ на берегъ твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И неговорчиво поешь;
Но ты поллюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песокъ съ ней рядомъ ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно съ нею свяжешь
Огромный колоколь зыбей;

И хрупкой раковины стeны, --
Какъ нежилого сердца домъ, --
Наполнишь шепотами пены,
Туманомъ, ветромъ и дождемъ...

1911.

х х х

Скудный лучъ, холодной мерою,
Сеетъ светъ въ сырость лесу.
Я печаль, какъ птицу серую,
Въ сердце медленно несу.

Что мне делать съ птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола.

И стоять осиротелая
И немая вышина --
Какъ пустая башня белая,
Где туманъ и тишина...

Утро, нежностью бездонное,
Полу-явь и полу-сонъ --
Забутье неутоленное --

Думъ туманный перезвонъ...

1911.

х х х

Образъ твой, мучительный и зыбкий,
Я не могъ въ тумане осязать.
"Господи!", сказалъ я по ошибке,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетело изъ моей груди...
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клетка позади...

1912.

Змей.

Осенний сумракъ -- ржавое железо
Скрипитъ, поетъ и разъедаеть плоть;
Что весь соблазнъ и все богатства Креза
Предъ лезвиемъ твоей тоски, Господь!

Я какъ змеей танцующей измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучинъ
И разума и Музы не хочу...

Достаточно лукавыхъ отрицаний
Распутывать извилистый клубокъ;
Нетъ стройныхъ словъ для жалобъ и признаний,
И кубокъ мой тяжелъ и неглубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшетъ

Больной удавь, свиваясь и клубясь;
Качается и тело опояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И бесполезно накануне казни,
Виденіемъ и пеньемъ потрясенъ,
Я слушаю, какъ узникъ безъ боязни,
Железа визгъ и ветра темный стонъ!

1910.

х х х

Сегодня дурной день:
Кузнечиковъ хоръ спитъ,
И сумрачныхъ скалъ сень --
Мрачней гробовыхъ плитъ.

Мелькающихъ стрелъ звонъ
И вещейъ воронъ крикъ...
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летитъ мигъ.

Явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клетъ,
И яростный гимнъ грянь --
Бунтующихъ тайнъ медъ!

О, маятникъ душъ строгъ --
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучитъ рокъ
Въ запретную дверь къ намъ...

1911.

Пешеходъ.

Я чувствую непобедимый страх
Въ присутствіи таинственныхъ высотъ,
Я ласточкой доволенъ въ небесахъ,
И колокольни я люблю полетъ!

И, кажется, старинный пешеходъ,
Надъ пропастью, на гнущихся мосткахъ,
Я слушаю -- какъ снежный комъ растетъ
И вечность бьетъ на каменныхъ часахъ.

Когда бы такъ! Но я не путникъ тотъ,
Мелькающій на выцветшихъ листахъ,
И подлинно во мнѣ печаль поетъ;

Действительно лавина есть въ горахъ!
И вся моя душа -- въ колоколахъ --
Но музыка отъ бездны не спасетъ!

1912.

х х х

Нетъ, не луна, а светлый циферблатъ
Сіяетъ мнѣ, и чѣмъ я виновать,
Что слабыхъ звездъ я осязаю млечность?

И Батюшкова мнѣ противна спесь;
Который часъ, его спросили здѣсь --
А онъ отвѣтилъ любопытнымъ: вечность!

1912.

х х х

Я ненавижу светъ

Однообразныхъ звездъ.
Здравствуй, мой давнѣй бредъ, --
Башни стрелчатой ростъ!

Кружевомъ камень будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будеть и мой чередъ --
Чую размахъ крыла.
Такъ -- но куда уйдетъ
Мысли живой стрела?

Или свой путь и срокъ
Я, исчерпавъ, вернусь:
Тамъ -- я любить не могъ,
Здѣсь -- я любить боюсь...

1912.

Казино.

Я не поклонникъ радости предвзятой,
Подчасъ природа серое пятно, --
Мнѣ въ опьяненьи легкомъ суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играетъ ветеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окруженъ водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрустале вино --
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

1912.

Царское Село.

Георгию Иванову.

Поедемъ въ Царское Село!
Свободны, ветренны и пьяны,
Тамъ улыбаются уланы,
Вскочивъ на крепкое седло...
Поедемъ въ Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьяхъ -- клочья ваты,
И грянуть "здравія" раскаты
На крикъ -- "здорово, молодцы!"
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротають векъ усталый,
Читая "Ниву" и Дума...
Особняки -- а не дома!

Свистъ паровоза... Едетъ князь.
Въ стеклянномъ павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходитъ офицеръ, кичась:
Не сомневаюсь -- это князь...

И возвращается домой --
Конечно, въ царство этикета,
Внушая тайный страхъ, карета
Съ мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой...

Золотой.

Целый день сырой осенній воздухъ
Я вдыхалъ въ смятенье и тоске;
Я хочу поужинать, -- и звезды

Золотыя въ темномъ кошельке!

И дрожа отъ желтаго тумана,
Я спустился въ маленькій подвалъ;
Я нигде такого ресторана
И такого сброда не видалъ!

Мелкіе чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавкомъ щупаетъ червонцы
Человекъ -- и все они пьяны.

Будьте такъ любезны, разменяйте,
Убедительно его прошу --
Только мне бумажекъ не давайте, --
Трехрублевокъ я не выношу!

Что мне делать съ пьяною оравой?
Какъ попалъ сюда я, Боже мой?
Если я на то имею право --
Разменяйте мне мой золотой!

1912.

Старикъ .

Уже светло, поетъ сирена
Въ седьмомъ часу утра.
Старикъ, похожій на Верлэна, --
Теперь твоя пора!

Въ глазахъ лукавый или детский
Зеленый огонекъ;
На шею нацепилъ турецкій
Узорчатый платокъ.

Онъ богохульствуетъ, бормочетъ
Несвязныя слова;
Онъ исповедоваться хочетъ --
Но согрешить сперва.

Разочарованный рабочій
Иль огорченный мотъ --
А глазъ, подбитый въ недрахъ ночи,
Какъ радуга цвететъ.

Такъ, соблюдая день субботнй,
Плетется онъ -- когда
Глядитъ изъ каждой подворотни
Веселая нужда;

А дома -- руганью крылатой,
Отъ ярости бледна, --
Встречаетъ пьянаго Сократа
Суровая жена!

1913.

Петербургскія строфы.

Н. Гумилеву.

Надъ желтизной правительственныхъ зданй
Кружилась долго мутная метель,
И правоведъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна -- какъ броненосецъ въ доке --
Росся отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой -- посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крепкая порфира,
Какъ власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза севернаго сноба --
Онегина старинная тоска;
На площади Сената -- валъ сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морскя посещали складъ пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродятъ мужики.

Летитъ въ туманъ моторовъ вереница;
Самолубивый, скромный пешеходъ --
Чудаку Евгенй -- бедности стыдится,
Бензинъ вдыхаетъ и судьбу клянеть!

1913.

х х х

Въ душномъ баре иностранецъ,
Я нередко, въ часъ глухой,
Уходя отъ тусклыхъ пьяницъ,
Становлюсь самимъ собой.

Девъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звездъ разбегъ,
Да привяжется бродяга,
Вьмогая на ночлегъ.

Кто, скажите, мне сознанье
Виноградомъ замутитъ,
Если явь -- Петра созданье,
Медный всадникъ и гранитъ?

Слышу съ крепости сигналы,
Замечаю, какъ тепло.
Выстрелъ пушечный въ подвалы,
Вероятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы --
Звезды, трезвая беседа,
Ветерь западный съ Невы...

1913.

Лютеранинъ .

Я на прогулке похороны встретилъ
Близъ протестантской кирхи, въ воскресенье.
Разсеянный прохожий, я заметилъ

Техъ прихожанъ суровое волненье.

Чужая речъ не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сіяла,
Да мостовая праздничная глухо
Ленивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумраке кареты,
Куда печаль забилаь, лицемерка,
Безъ словъ, безъ слезъ, скупая на приветы,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной
И шли пешкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалью, и упорно
Надъ ними кучеръ правилъ вдаль, упрямый.

Кто бъ ни былъ ты, покойный лютеранинъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Былъ взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витійствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свечи.

1912.

Айя-Софія.

1.

Айя-Софія -- здесь остановиться
Судилъ Господь народамъ и царямъ!
Ведь куполъ твой, по слову очевидца,
Какъ на цепи подвешенъ къ небесамъ.

2.

И всемъ примеръ -- года Юстиніана,
Когда похитить для чужихъ боговъ
Позволила Эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

3.

Куда-жь стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помысломъ высокъ,
Расположилъ апсиды и экседры,
Имъ указавъ на западъ и востокъ?

4.

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ м^ире,
И сорокъ оконъ -- света торжество;
На парусахъ подъ куполомъ четыре
Архангела прекраснее всего.

5.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживетъ,
И серафимовъ гулкое рыданье
Не покоробитъ темныхъ позолотъ.

1912.

Notre Dame.

1.

Где римскій судія судилъ чужой народъ --
Стоитъ базилика, -- и радостный и первый,
Какъ некогда Адамъ, распластывая нервы,
Играетъ мышцами крестовый легкій сводъ.

2.

Но выдаетъ себя снаружи тайный планъ!
Здесъ позаботилась подпружныхъ арокъ сила,
Чтобъ масса грузная стѣны не сокрушила,
И свода дерзкаго бездействуетъ таранъ.

3.

Стихійный лабиринтъ, непостижимый лесъ,
Души готической разсудочная пропасть,
Египетская мощь и христіанства робость,
Съ тростинкой рядомъ -- дубъ и всюду царь -- отвесъ.

4.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучалъ твои чудовищныя ребра, --
Тем чаще думалъ я: изъ тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создамъ.

1912.
